

**ТЕКСТОЦЕНТРИЗМ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО СОЗНАНИЯ
И ЕГО ЭКСПЛИКАЦИЯ В РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКЕ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА
(по данным интернет-источников)**

В статье анализируются примеры языкового воплощения базовой инвариантной метафоры «мир как текст» с точки зрения их парадигматической вариативности. Показано, что с точки зрения носителя русского языка свойства текста обнаруживают в себе различные феномены материального и духовного мира, причём текстоцентризм в осмыслении разнообразных объектов познания – одна из характерных примет нашего времени со свойственным ему постмодернистским типом сознания. Материалом исследования послужил корпус текстов, содержащих конкретно-языковые реализации метафоры «X как текст», представленный в русскоязычной зоне сети Интернет, в том числе в Национальном корпусе русского языка.

Стало фактически общим местом в работах текстоведческой направленности говорить о доминантном статусе феномена «текст» в современных гуманитаристических дискурсивных практиках. Текст в связи с этим характеризуется то как «первичная данность (реальность) и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины» [1, 292], то как «исходная реальность филологии» [2, 374], то его называют «смысловым генератором» [3], то, наконец, «ключевым понятием в новой научной лингвистической парадигме» [4, 15 Болотнова].

Базовая концептуальная метафора «Мир как Текст» стала исходным пунктом современного постмодернистского мышления и породила такие частные подпарадигмы концептуальных метафорических формул, как «мир – космическая библиотека» (В. Лейч), «мир – словарь» (У. Эко) и пр. Эта метафорически структурированная позиция, идеологически претендующая на новую методологию гуманитарного мышления, за несколько последних десятилетий вылилась в целую парадигму частных метафорических построений типа «X как Текст» в рамках текстоцентричного восприятия мира человеком.

Своеобразным индикатором популярности интереса к тому или иному феномену бытия в

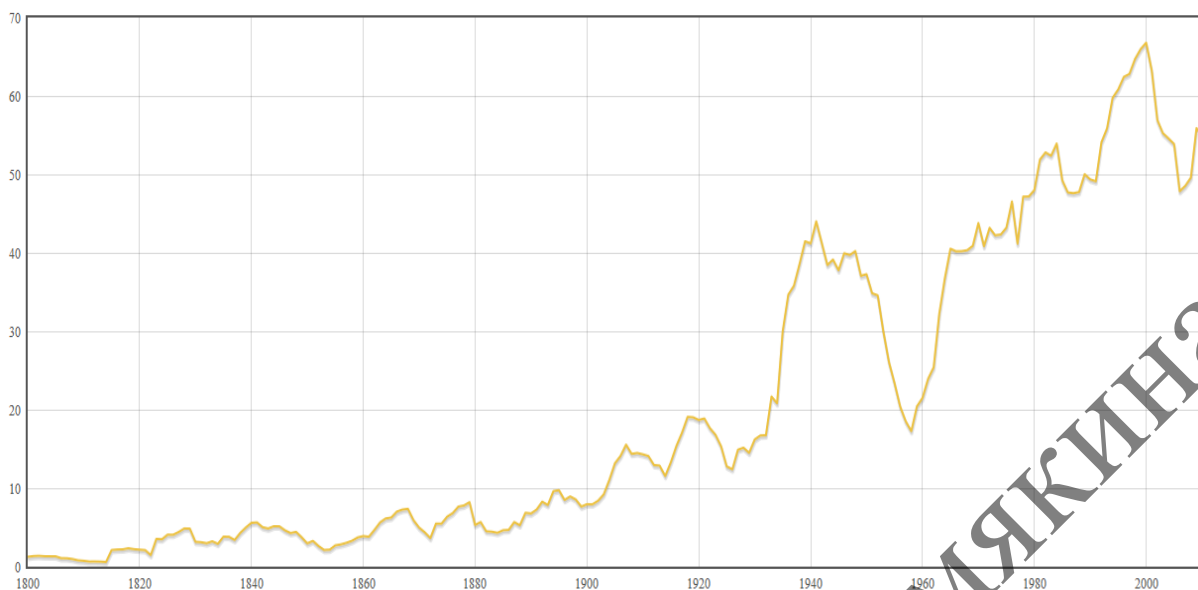
последние 10-15 лет является его представленность на веб-страницах и сайтах глобальной сети Интернет.

Нами были использованы возможности поисковых систем Яндекс и Google, а также Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru) для фиксации контекстов, воспроизводящих метафорическую формулу «X как текст». В результате было проанализировано порядка 200 контекстов с более чем 60 подстановками на месте X.

Обращение к ресурсам сети Интернет позволяет судить о том, что слово *текст*, начиная со второй половины XX века, действительно переживает стадию своей дискурсивной актуализации, динамичного семантического обогащения, иными словами, концептуализируется в различных дискурсивных практиках. Этому способствуют многочисленные употребления данного слова в нетерминологическом (или не строго терминологическом) значении, характерные для различных видов дискурса – научного (нефилологического), публицистического (медийного), разговорного и др.

Характерно, что частотность употребления лексемы «текст» в русском языке в целом устойчиво растёт на протяжении двух последних столетий, что иллюстрирует

график, фиксирующий частоту обращения к данному слову на миллион словоформ, генерированный Национальным корпусом русского языка (см. ниже) [5, 15]:

Собранный нами материал позволяет условно классифицировать лексемы, встречающиеся в составе названной выше формулы на месте X, по следующим тематическим группам:

- 1) X – интеллектуальный продукт, семиотический объект (*перевод, реклама, миф, право, урок, народная примета, шорт-лист, произведение искусства, кино, фильм, текст* и др.);
- 2) X – артефакты (*экспонат музея, одежда, алфавит, храм, нижнее бельё, зодчество* и пр.);
- 3) X – физиологические процессы и понятия (*смерть, осмысленное действие, болезнь, голос* и др.);
- 4) социальные процессы и сферы (*потребление, террористический акт, путешествие, наука* и др.);
- 5) X – пространственные объекты (*мир, город, Пермь, малая родина* и др.);
- 6) X – человек в целом, конкретная личность (*человек, тело, Пушкин, Хармс, Битов, генерал Ларионов* и др.);
- 7) X – темпоральные понятия (*время, история* и др.);
- 8) природные объекты (*кит* и др.).

Как видно, сквозь призму текстоподобия в современных речевых практиках носителей русского языка рассматриваются и концептуализируются самые различные реалии – от природного мира до мира артефактов и социальных процессов.

Вполне ожидаемо, что на первом месте по частотности на месте X нами зафиксированы названия продуктов интеллектуальной деятельности человека, выраженные в словесно-знаковой форме, т.е. такие, которые могут быть эксплицированы в виде текста либо имеют исключительно текстовое выражение (вплоть до выражения *текст как текст*). Иными словами, это всё то, что можно **читать** в прямом, буквальном смысле.

Большинство остальных названных выше тематических групп лексем-подстановок на месте X в количественном отношении приблизительно равны, за исключением двух последних, несколько уступающих по данному показателю. Однако, на наш взгляд, здесь важна даже не столько частотность, сколько

регулярность, неединичность контекстов с различными X в каждой из групп, что позволяет говорить о стабилизации концептуальной метафоры «X как текст» за счёт постоянства пополнения корпуса иерархически

подчинённых ей конкретизаторов. Для лексем из названных тематических групп весьма сложно уловить некие закономерности для попадания или непадения в рассматриваемую метафорическую мишень. Складывается впечатление, что абсолютно каждый объект микро- и макрокосмоса, как природный, так и рукотворный для нас – потенциальный текст. И в этом нет ничего случайного и ничего нового. Постмодернизм не открыл для нас эту метафору – он лишь актуализировал и абсолютизировал её (история мира есть история текстов; культура есть сумма текстов – интертекст; нет реальности – есть гиперреальность; нет референтов и знаков – есть симулякры и т.д.), что, по-видимому, и должно было случиться в век информационного общества (см. работы Ж. Делёза, Ж. Бодрийяра, М. Фуко, Ж. Дерриды, Ж.-Ф. Лиотара, Р. Барта, Ю. Кристевой).

Примечательно, что различные реализаторы формулы «X как текст» в сетевых публикациях последних лет зачастую функционируют в качестве заголовка или элемента заголовочного комплекса текста. Ср.: *Читаем тело! Тело как текст в романе Кобо Абэ «Женщина в песках»* [<http://www.effcom.ru/archive/issue1/vlasova.html>]; или: *Битов как текст. Автор "Пушкинского дома" отмечает юбилей* [<http://www.litkarta.ru/dossier/basinsky-bitov>].

Во многих статьях отправной точкой повествования (и/или рассуждения) становится рефлексия по поводу постмодернистской метафоры «мир как текст», а дальнейшим содержанием – развёртывание данной метафоры в ключевой концепт текста, ср.:

«В постмодернистской культуре слово «текст» приобрело расширенное истолкование – если в традиционных гуманитарных науках, сегментированных и привязанных к конкретным институциям, текстом называлась замкнутая структура, подвластная узкому и ограниченному кругу интерпретаций, то в постмодернистской гуманитарной культуре «текст» уже не нуждается в контексте, он сам создает свои контексты. Произошел переход от истолкования к

программированию текста.

С этой точки зрения о городе как о тексте наиболее подробно и пронзительно говорил французский социальный мыслитель Мишель де Серто в книге «Изобретение повседневности» (1980; в английском переводе она получила название «Практика повседневной жизни»). Город, понимаемый как текст, отличается тем, что его «читатели» располагаются в самом тексте. Это как если бы все герои какого-то романа тоже прочли этот роман и стали руководствоваться в своих поступках предоставленной писателем информацией» [6].

Вместе с тем восприятие Мира в целом и его отдельных феноменов в частности как Текста реализует архетипический принцип изоморфизма во взглядах на основополагающие феномены бытия. Подобный изоморфический подход уходит своими корнями в античную философскую мысль. В частности, у Платона и ряда других выдающихся мыслителей прошлого находим представление о мире как о мире идей, о многоуровневой реальности, уровни которой находятся в отношении глобального взаимодействия, взаимодублирования, взаимодополнения, взаимообусловленности, обусловленных их гомогенностью и структурным изоморфизмом.

В числе осмысляемых в данном отношении феноменов первостепенную роль играет СЛОВО в своём отнологическом понимании, сводящее к себе как к некоему центру все механизмы языка (по Ф. де Соссюру) и – более того – бытия. Современной науке известны уже не единичные прецеденты поиска (и нахождения!) структурного изоморфизма слова с такими феноменами идеального и материального бытия, как мозг, генетический код, человек, Вселенная [7, 199 – 266]. В этом смысле текст правомерно рассматривать как производную того самого СЛОВА / ЯЗЫКА, а следовательно, логично будет принять в качестве исходного, аксиоматического положения тезис о потенциально присущих ему универсальных изоморфических свойствах.

В одних случаях осмысление подобного изоморфизма – плод работы гуманитарной, философской мысли, а в других мы имеем дело с переходом от метафоры-гипотезы к доказательной естественно-научной теории (ср., например, открытие единства фрактальной структуры ДНК и человеческой речи, сделавшее метафору «человек как текст» фактически реальным открытием в области генетики и микробиологии, ср. термин *генетический алфавит*).

Можно отметить и функционирование подобной модели в суггестивной функции, в качестве психотерапевтической метафоры [8].

Проекция текста на перечисленные выше феномены бытия (при всём их многообразии и уникальности) позволяет установить некоторые критерии их изоморфичности (т.е. найти основание концептуального метафорического сближения).

Во-первых, семиотичность. Всё, что находит аналогию с текстом, способно быть осмысленным как знак, как единство плана содержания и плана выражения. Всем этим феноменам потенциально

свойственны признаки перцептивности, смысловой и аксиологической амбивалентности, встроенности в системные связи и отношения и пр.

Во-вторых, дискретность, разложимость на составляющие, способные конфигурироваться определённым образом (= композиция), ср.: «термин *текст* до сих пор несет в себе образ сотканной материи со своими переплетениями» [9, 86].

В-третьих, одновременное обладание признаками пространственно-временной континуальности, ограниченности, целостности, завершенности, того, что имеет своё начало и конец, представляет собой некое физическое тело.

В качестве ещё одного примера приведём поиск аналогии текста и времени – начало статьи Романа Уфимцева, в которой центральная текстообразующая метафора решается на примере текста «Капитанской дочки» А.С. Пушкина:

«Идея сопоставить поток времени и текст только с первого взгляда может показаться необычной. По своей исходной природе тексты подразумевают изоморфность потоку времени – они пишутся последовательно и без поворотов назад – также как идёт само время (тут я оставляю в стороне редактирование готового текста, это особая тема). И обычно они предназначены для того, чтобы и читатель их читал последовательно и без поворотов назад. Не случайно, первыми примерами достаточно длинных текстов были хроники, летописи – эти документы становились буквально отражением хода исторического времени.

Конечно, между хрониками и самим потоком исторических событий не бывает точного соответствия. В хрониках не посвящают каждому году ровно по 12 страниц. "Скорость хода" летописей зависит от наполнения времени событиями, а скорость объективного, физического времени вроде бы постоянна, неизменна. Тем более соответствие между временем и текстом усложняется, когда мы берём тексты не хронологические, а художественные или философские.

И тем не менее – и в этом есть некая загадка – тексты дробятся почти также, как дробится время. В том числе, и порождая логнормальные распределения...» [10].

Предложенные заметки не ставили своей задачей серьёзно обогатить теорию текста, теорию метафоры, либо выявить качественно новые аспекты постмодернистского мышления. Их назначение в другом – ещё раз обратить внимание на ТЕКСТ как гуманитарный концепт, один из ключевых для концептуария гуманитарно мыслящего носителя русского языка нашего времени, как на объект, с одной стороны, на понятийном уровне всем хорошо знакомый (а поэтому используемый в качестве источника многочисленных когнитивных метафор), а с другой стороны – как вечную загадку, причём не только для филологов либо философов, но и для всех, кто видит, слышит, мыслит, творит... Сколько бы много о ТЕКСТЕ ни было написано и произнесено, до точки в конце этого повествования ещё очень и очень далеко...

Литература

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1979. – 341 с.
2. Аверинцев, С.С. Филология / С.С. Аверинцев // Русский язык: энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – С. 372–374.
3. Лотман, Ю.М. Текст и полиглотизм культуры / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Избр. статьи. В 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн: Александра, 1992. – С. 142 – 147.

4. Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н.С. Болотнова. – 4-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 520 с.
5. Национальный корпус русского языка // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 12.02.2013.
6. Марков, А. Город как текст / А. Марков. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/Kultivator/2012_4/6.pdf
7. Гируцкий, А. А. Общее языкознание : учеб. пособие для вузов / А. А. Гируцкий. – 3-е изд., стер. – Минск : ТетраСистемс, 2003. – 304 с
8. Жизнь как текст (опыт нарративной психологии) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vk.com/event28964751>. – Дата доступа: 12.02.2013.
9. Демьянков, В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка / В.З. Демьянков // IV Международная научная конференция «Язык, культура, общество» – М., 2007. – С.86–95.
10. Уфимцев, Р. Пролог 35. Время как текст / Р. Уфимцев // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cognitivist.ru/er/kernel/prologi_35_time_as_text.xml. – Дата доступа: 12.02.2013.